

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Яковлева Елена Людвиговна

доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, заведующий
кафедрой философии и социально-политических дисциплин

Институт экономики, управления и права

В рамках педагогического дискурса второй половины XX столетия появилась идея инклюзивного образования, требующего новых подходов к процессу обучения, методикам преподавания, критериям оценивания, личности преподавателя, но самое главное – к обучаемому и его пониманию. Смена педагогической парадигмы обусловлена тем, что на смену виду *Homo sapiens* (человек разумный) приходит *Homo inclusive* (человек инклюзивный). Именно последний выступает главным объектом инклюзии, вокруг которого и создается особая – инклюзивная среда со своим форматом образования.

Появление человека инклюзивного рождает множество вопросов и, в первую очередь, кто он такой и какие черты делают его инклюзивным? Осуществим попытку разобраться с новым модусом человеческого бытия.

Если обратиться к переводу слов «инклюзия»/«инклюзивный», то они означают включенность (от *inclusion* – включение, вкрапление, присоединение). Последняя предполагает приобщенность/причастность, с одной стороны, иных/непохожих к определенной группе; с другой стороны, каждого к бытию вообще, что влечет за собой – соотнесение себя как части к целому.

Инклюзивность как включенность связана с активным воздействием в определенную среду, что подразумевает осознанное и целенаправленное действие, ведущее к какому-либо результату. Какую бы

сферу деятельности мы не взяли, там, где отсутствует равнодушие и отчуждение, мы встречаем включенного в процесс человека, а значит – инклюзивного по сути. Погруженность в среду подразумевает желание понять/вникнуть в событие/ситуацию/проблему и решить ее, задействовав при этом все свои эмоциональные/интеллектуальные/физические/нравственные/творческие способности. Обозначим парадокс инклюзивного человека, выражающийся в забвении о своей интенциональности (своеобразное – незнание о знании), где рефлексирование есть автоматический акт, позволяющий проявиться креативности. Подобное позволяет говорить о том, что инклюзивный человек – это человек бытийствующий, то есть проявляющий себя в модусе быть, следуя терминологии Э. Фромма.

Рассуждая далее об инклюзивном человеке, проанализируем сопряженные с ним категории.

Включенности в бытие противостоит феномен невключенности/выключенности, связанный с отчужденностью/пассивностью, вследствие чего жизнь пускается на самотек, отдаваясь во власть внешних обстоятельств и позволяя человеку быть манипулируемым. Невключенность в бытие предполагает рассеянность внимания, негатив ситуации рутины, где «никогда ничего не происходит», что влечет за собой скуку и атрофию желания исправить сложившееся положение дел. Человек перестает быть хозяином своей судьбы, бездумно нередко безумно, идя по ее ризоматичным лабиринтам и постоянно заходя в тупик. Как следствие подобных хождений – состояние перманентного кризиса, сопровождающегося пессимистическими настроениями и апатией.

Если соотнести понятия инклюзивности и эксклюзивности, то здесь обнаруживается определенная двойственность, что задается пониманием

самого слова эксклюзия, в переводе с латинского (*exclusio*) обозначающего исключение. С одной стороны, эксклюзивность подразумевает исключение из социальной среды, что противоположно инклюзивности, связанной с включенностью. В подобном понимании эксклюзивность обрекает человека на драматическое существование, обусловленное изоляцией/одиночеством/неприятием.

С другой стороны, эксклюзивность как исключение из правил и/или отступление от общепринятого подчеркивает Другость личности на фоне социальной однотипности, нередко даже безличности. Подобная эксклюзивность содержит в себе потенции к насыщенной инклюзивности как включенности в бытие, что служит точкой пересечения понятий, подразумевающих друг друга. Инклюзивный человек, проявляющий свои интенции, в том числе, в неординарном мышлении/действии/проявлении, самобытен. В этом отношении индивидуальность инклюзивного человека, связанная с креативностью и исключительностью, заявляет об эксклюзивности как неповторимости. В целом, эксклюзивность подразумевает Другость, являя ситуацию «свой среди чужих, чужой среди своих», что приводит нас к феномену инклюзивности как отклонению от общепринятой нормы.

Более того, учитывая современную мобильность и новую форму идентичности человека – электронное кочевничество, необходимо подчеркнуть, что в текучей современности Другость или потенция к Другости в рамках метафизики каждой личности есть постоянное ее высвечивание в новой ситуации событийной/со-бытийной реальности, подразумевающей включенность в бытие или инклюзивность.

Сравнительный анализ слов инклюзия/инклюзивный, неинклюзивный и эксклюзия/эксклюзивный заставляет по-новому расставить акценты в понимании инклюзивного человека. Как мы считаем,

неправильно трактовать инклюзивных людей только как людей, имеющих отклонения от нормы, то есть инвалидов или людей с ограниченными возможностями здоровья. Во-первых, инклюзия не предполагает параметров психофизиологического состояния, а также возраста, пола, национальности, сексуальной ориентации и других качеств. Во-вторых, инклюзия как включенность подразумевает человека-в-бытии/человека бытийствующего, тем самым охватывая все многообразие сфер его активного проявления/про-явления в результате встроенности в действительность, в том числе, систему воспитания, образования, трудовую деятельность, коммуникацию, повседневность, сферу быта и досуга. Включенность предполагает заинтересованность, активное участие и желание достичь определенного результата. В связи с этим, дадим расширенное понимание инклюзивного человека. Им может быть каждый, кто имеет сохранный интеллект и активно включается в формат текущей современности, проявляя озабоченность ею и интенциональность, событийствует/со-бытийствует, рефлексирова и соучаствуя/со-участвуя, слыша отзвук и находя отклик в ней.

Для успешного формирования в рамках инклюзивного формата образования личности, включенной в бытие, необходимо акцентировать внимание на ценностных основаниях, что выводит нас на проблему аксиосферы инклюзивной культуры. Модель инклюзивной культуры и образования имеет свою структуру аксиосферы, где ключевыми элементами являются гуманизм, толерантность, культура соучастия/со-участия и творческое начало. Перечисленные составляющие аксиосферы способствуют формированию инклюзивного мировоззрения, где акцентируется внимание на коллективизме и сотрудничестве, тем самым усиливая синергетический характер (вспомним, синергетика переводится как «совместная деятельность»). Как мы считаем, каждый из параметров

аксиосферы инклюзивного формата обладает пассионарной энергией, выступая в качестве пассионарного толчка, служащего импульсом к действенному стремлению к поставленной цели и поиску смысла жизни. Аксиосфера, создавая напряжение, приводит в движение социальное, тем самым изменяя и развивая его. Именно аксиосфера выступает в качестве своеобразного регулятора внутри инклюзии, создавая стабильное и гармоничное развитие бытия внутри нее.

В заключении подчеркнем следующие моменты. Современная отчужденность/пассивность есть состояние выключенного из бытия субъекта, погруженного в неосознаваемую рутинность и скуку, функционирующего как машина, что характеризует его, в большей мере, как постчеловека, а среду его обитания как неинклюзивную. В связи с этим, главный акцент в современной культуре и системе образования, несущим ответственность за формирование разносторонней личности, связан с формированием инклюзивности как воли к включенной жизни и желания быть-в-бытии, что означает идею причастности к жизненному процессу и соучастия/со-участия в нем. Результатом инклюзивного формата образования является самодостаточная личность в модусе быть, верящая в себя и проявляющая себя в многообразных ситуациях бытия социального. Огромную роль в формировании инклюзивной личности играет аксиосфера, базирующаяся на интеллектуально-морально-эстетических ценностях. Как аксиосфера, так и инклюзивная среда представляют собой синергийную систему, где сложность служит стимулом развития от хаоса к гармонии. Ключевые принципы аксиосферы, сформировавшиеся в прошлом, благотворно влияют на человека и общество. Ценности инклюзии разнообразны, что влечет за собой нелинейность и непредсказуемость ситуаций, требующих креативных решений при соблюдении нравственного правила «не навреди».

Взаимодействие однородных и неоднородных ценностей способствует нормальному функционированию внутри инклюзивной модели культуры и образования, стимулируя их развитие и положительно влияя на человека/социальное. В итоге погружения в аксиосферу инклюзивного формата культуры и образования личность учиться с удовольствием жить, имея способность быть Другой и взаимодействуя с Другими, проявляя «благоговение перед жизнью».

ЛИТЕРАТУРА

[1] Афонасин Е.В. Латинско-русский словарь / Т.Г. Мякина. Новосибирск, 2006.